

А. Васильев

**О преобразовании высшего церковного
управления Петром I**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

A11 **А. Васильев**
О преобразовании высшего церковного управления Петром I / А. Васильев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 40 с.

ISBN 978-5-458-55926-3

ISBN 978-5-458-55926-3

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Памяти

Владимира (Владислава) Гуляновича

Хорошевскаго, —

лучшаго. изъ учителей своего отрочества —

благговѣйно посвящаетъ

А. Васильевъ.

О преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ I.

Отповѣдь на статью г. Z. «О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи», напечатанную въ апрѣльской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» за 1891 годъ.

Вопросъ о значеніи произведенной Петромъ I перемѣны въ высшемъ церковномъ управленіи чрезвычайно важенъ и выясненіе его необходимо особенно потому, что онъ сильно затемненъ неумѣренными сторонниками и хвалебщиками совершенныхъ Петромъ I надъ русской жизнью издѣвательствъ и насилій. Со временъ Петра и донынѣ въ бюрократическихъ и литературныхъ кругахъ преобладаетъ такое настроеніе, по которому считается безусловно обязательнымъ, просвѣщеннымъ и похвальнымъ превозносить до небесъ и даже выше ихъ—до Сѣдящаго на небесахъ,—Петра I и всѣ его дѣла и поступки, не исключая самыхъ возмутительныхъ, кощунственныхъ и грязныхъ, и, наоборотъ, безпристрастное и разсудительное отношеніе къ личности и дѣламъ этого, во многихъ отношеніяхъ злополучнаго государя, — защита безъ нужды поруганной и разоренной имъ русской старины, въ которой не все же, однако, заслуживало разоренія и поруганія, въ упомянутыхъ кругахъ считается дѣломъ ретрограднаго обскурантизма, и въ то же время — дѣломъ неблагонамѣреннымъ и чуть ли не возмутительнымъ и преступнымъ. Основаніе такому складу и строю мысли было крѣпко вколочено въ русскія головы еще самимъ Петромъ. Вопреки многимъ прекраснымъ словамъ его указовъ, требовавшимъ правдиваго и честнаго исполненія служебнаго долга, Петръ на дѣлѣ еще настойчивѣе того требовалъ отъ всѣхъ, его окружавшихъ и ему подвластныхъ, безусловной, рабской покорливости и лести. Наушничествомъ, потворствомъ и грубымъ ласкательствомъ, возвысились и держались при немъ не только свѣтскіе его любимцы и временщики какъ Меншиковъ, Толстой и Екатерина, но и наиболѣе вліятельныя духовныя особы: какъ охуждаемый г-мъ Z. Θεодосій Яновскій, такъ и превозноси-

мый имъ Теофанъ Прокоповичъ. Эта петровская закваска до сихъ поръ всю нашу жизнь квасить; и до сихъ поръ: учителя и профессора, составители историческихъ учебниковъ и многотомныхъ ученыхъ исторій, считаютъ почему-то своею обязанностью оправдывать и прославлять въ Петрѣ не только то, что дѣйствительно заслуживаетъ признательности и похвалы: его труженичество, его старанія усилить вещественное и военное могущество Россіи, его заботы о развитіи промысловъ и техническихъ знаній, пожалуй, его внѣшнюю политику и военныя удачи; но—и особенно тѣ его дѣла, въ которыхъ онъ былъ великимъ грѣшникомъ передъ Богомъ и Россіей, и которыя можно только замаливать, а не славить. Оправдываются и прославляются и ненасытная его жестокость, и прихотливыя его насилія, и неразборчивость средствъ; нелѣпная стрижка кафтановъ и бородъ и напяливаніе на русскихъ людей шутовскихъ камзоловъ и париковъ, его кощунственныя, развратныя и пьяныя потѣхи, пренебреженіе къ сыну и вѣроломное его убійство, и, наконецъ, незаконное посягательство на церковный строй и духовную жизнь Русскаго народа. Сопротивленіе же русскихъ людей всему этому кровавому и растлѣвающему насилію и соблазну выставляется до сихъ поръ только какъ признакъ одичалой грубости нравовъ и закоренѣлаго русскаго невѣжества. Стихи 18-го вѣка о Петрѣ съ кощунственнымъ возгласомъ: «Онъ Богъ, онъ Богъ твой былъ, Россія!» доселѣ предлагаются бѣдному русскому юношеству не какъ примѣръ неумѣреннаго и опрометчиваго ласкательства, а какъ образецъ подобавшей преобразователю поэтической хвалы!

Какое смѣшеніе понятій о добрѣ и злѣ, какіе растлѣнные нравы воспитываются подобною ложью! Не ей ли обязана Россія многими поколѣніями людей, презирающихъ свой народъ, его историческія и церковныя преданія,—безразличныхъ къ добру и злу, ставящихъ выше всего личный произволъ, глядя по обстоятельствамъ—свой или чужой, руководящихся въ жизни правиломъ, что «практически полезныя», хотя бы и сомнительныя въ нравственномъ отношеніи, цѣли оправдываютъ всякія для достиженія ихъ средства.

Нельзя не видѣть и того, что всѣ эти старанія оправдать и возвеличить петровскія насилія далеко не всегда искренни; въ иныхъ случаяхъ они представляются какъ бы вынужденными. Вотъ, напримѣръ, ученый трудъ, посвященный Духовному регламенту и дополнительнымъ къ нему узаконеніямъ Петра I. Сочиненіе это въ общемъ написано старательно и дѣльно и даетъ достаточно данныхъ и полную возможность

для справедливой оцѣнки вліянія этихъ узаконеній на нашу церковную жизнь. Пагубность этого вліянія не укрылась отъ сочинителя, и, не смотря на это, онъ въ каждой главѣ своего труда обязательно проникается «чувствомъ глубочайшаго уваженія», благоговѣніемъ къ тѣмъ самымъ мѣропріятіямъ, которыя самъ же признаетъ пагубными. Эта разладица автора съ самимъ собой, противорѣчіе вставочныхъ его сужденій и хвалебныхъ отзывовъ всему дѣловому содержанію книги свидѣтельствуютъ или о крайней его непослѣдовательности, или о вынужденности его хвалебныхъ вставокъ.

Статья г-на Z. въ «Р. В.» также полна противорѣчій и любопытна не новизною собранныхъ въ ней данныхъ, а черезчуръ уже безстыжею откровенностью взглядовъ на взаимныя отношенія государства и церкви, и ретивымъ стараніемъ представить въ исторіи этихъ отношеній черное бѣлымъ и свалить всю отвѣтственность съ больной головы на здоровую.

Статья г-на Z. начинается утвержденіемъ, что «перемѣна высшаго церковнаго управленія, происшедшая при Петрѣ I, была не столько личнымъ его дѣломъ, сколько совершеннымъ по разуму русскаго народа выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей. Петрѣ I только далъ опредѣленную форму и узаконилъ то, что существовало и до него въ жизни нашего отечества и уже готово было разрѣшиться тѣми или другими послѣдствіями для слѣдующихъ поколѣній: гениальный государь направилъ только ходъ вещей въ данномъ направленіи».

Нельзя сказать, чтобы основное положеніе статьи было высказано ясно и толково. Въ самомъ дѣлѣ, въ началѣ этого положенія говорится, что перемѣна при Петрѣ высшаго церковнаго управленія была выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей, слѣдующія за тѣмъ слова даютъ поводъ заключить, что въ сущности никакой перемѣны въ высшемъ церковномъ управленіи при Петрѣ и не произошло, такъ какъ Петрѣ только узаконилъ то, что существовало въ нашемъ отечествѣ и до него, въ заключеніе же оказывается, что Петрѣ «только направилъ ходъ вещей въ данномъ направленіи». Попробуемъ разобраться въ этомъ противорѣчій!

Г-нъ Z. утверждаетъ, что перемѣна высшаго церковнаго управленія совершена Петромъ по требованію исторіи и «по разуму русскаго народа», т. е., по мнѣнію автора, произведенная Петромъ перемѣна соотвѣтствовала исторически сложив-

шимся взглядамъ и желанію Русскаго народа. Справедливо ли это мнѣніе г-на Z., и на чемъ онъ его основываетъ?

За выписаннымъ нами основнымъ положеніемъ идетъ у него слѣдующее разсужденіе: «русской исторической наукой отмѣчено, что всероссійскіе патріархи, поднявшись честию на ступень выше всероссійскихъ митрополитовъ, спустились по силѣ и обширности власти на ступень ниже своихъ предшественниковъ. Для того, чтобы всероссійскому патріарху сравняться съ патріархомъ константинопольскимъ не по чести только, потребовалось бы учредить и подъ нашимъ патріархомъ іерархическое устройство по греческому образцу. Этого-то на Руси и оказалось невозможнымъ достигнуть. Въ Греціи епархіи до того небольшія, что для епископа не нужны учрежденія, подобныя нашимъ консисторіямъ, духовнымъ правленіямъ и благочиннымъ, тамъ епископъ можетъ дѣлать все въ епархіи самолично, при помощи своего хартофилакса, архидіакона и вообще своихъ ближайшихъ довѣренныхъ клириковъ: со всѣми священниками въ приходахъ своего округа и со всею своею паствою онъ можетъ имѣть непосредственныя сношенія. Сама близость къ своей паствѣ у насъ при обширности епархій невозможна, и потому отъ начала Руси наше церковно-епархіальное устройство приняло другой видъ».

Остановимся пока на этомъ разсужденіи и отмѣтимъ его несостоятельность. Казалось бы, если близость епископа къ своей паствѣ вообще полезна и желательна, а при обширности епархій не возможна, то, чтобы осуществить желаемое, слѣдуетъ сдѣлать епархіи менѣе обширными. Поэтому, чтобы доказать свое положеніе о невозможности у насъ церковно-епархіальнаго устройства по образцу Константинопольской Церкви, не достаточно было сослаться на обширность русскихъ епархій, слѣдовало указать причины этого явленія и доказать, что раздѣленіе Русской Церкви на епархіи менѣе обширныя потому-то было не возможно. Простая же ссылка на обширность русскихъ епархій ничего не доказываетъ и ничего не объясняетъ.

«Надъ епископомъ въ Греціи», продолжаетъ г-нъ Z., стоитъ митрополитъ, епископъ главнаго города области, властвующій (не вездѣ) надъ епископами городовъ, находящихся въ зависимости отъ главнаго. Еще выше—власть патріарха, вѣдающаго своихъ митрополитовъ, а, по сложившимся историческимъ обстоятельствамъ, изъ четырехъ патріарховъ греческой церкви три поставлены въ такое отношеніе къ четвертому, что вселенскій патріархъ можетъ быть приравниваемъ къ папѣ римскому».

Въ этомъ разсужденіи г-на Z. прежде всего обращаетъ на себя вниманіе неточность выраженій. Говорится постоянно «о Греціи», о «греческой церкви», между тѣмъ, въ дѣйствительности, у него идетъ рѣчь о Турціи и о четырехъ восточныхъ патріархіяхъ, изъ которыхъ каждая составляетъ отдѣльную помѣстную Церковь, и всѣ онѣ вмѣстѣ одной «греческой» Церкви не составляютъ. Собственно же Греческая Церковь, во главѣ которой стоитъ нынѣ аѳинскій синодъ, въ разсужденіе автора вовсе и не входитъ. Затѣмъ, отношенія константинопольскаго патріарха къ остальнымъ тремъ отнюдь не даютъ основанія и права приравнять его къ папѣ римскому, ибо константинопольскому патріарху въ отношеніи трехъ другихъ восточныхъ патріарховъ, какъ и въ отношеніи предстоятелей другихъ православныхъ автокефальныхъ Церквей, принадлежитъ только первенство чести, а не главенство власти. Поэтому, дальнѣйшія разсужденія г-на Z. о «плѣнительности для воображенія идеи папства» и о томъ, что эта идея «предполагаетъ организацію монархическую, стройную, крѣпкую и сильную»—представляются не идущими къ дѣлу, тѣмъ болѣе, что тутъ же заявляется, что «не папство, конечно, хотѣли завести у насъ, когда старались водворить на Руси порядки византійскаго высшаго церковнаго управленія». Столь же мало идетъ къ дѣлу и дальнѣйшее заявленіе автора о томъ, что, заводя упомянутые порядки, у насъ хотѣли имѣть для Церкви «новаго Константина и Москву хотѣли видѣть третьимъ Римомъ». Если хотѣли имѣть новаго Константина, то, конечно, хотѣли имѣть его въ московскомъ царѣ, а не въ патріархѣ, и потому это желаніе нашихъ прадедовъ къ разсужденію автора объ объемѣ и силѣ патріаршей власти въ Россіи сравнительно съ властію всероссійскихъ митрополитовъ и константинопольскихъ патріарховъ никакого отношенія не имѣетъ.

Далѣе г-нъ Z. останавливается на трехъ попыткахъ «водворить въ Россіи византійскую законченность церковнаго управленія», именно—на постановленіяхъ: собора 1589 года—учредить подъ патріархомъ четыре митрополіи, шесть архіепископій и восемь епископій, собора 1667 г.—о томъ, чтобы каждый митрополитъ имѣлъ подъ собою епископовъ по святымъ правиламъ, «ради конечнаго исполненія церковнаго», и—на предложеніи царя Θεодора Алексѣевича собору 1681 года о томъ, «чтобы каждому митрополиту имѣть въ своей епархіи епископовъ, подвластныхъ имъ, а патріарху, отцемъ отцу,—имѣть многихъ епископовъ, яко главѣ и пастырю».

Объясненіе неуспѣшности всѣхъ этихъ попытокъ г-нъ Z. находитъ въ челобитной митрополитовъ и архіепископовъ,

участвовавшихъ въ соборѣ 1681 г., царю Θεодору Алексѣевичу, въ которой они просили не дѣлать архіепископовъ и епископовъ подвластными митрополитамъ, «чтобы въ архіерейскомъ чинѣ не было какого церковнаго разгласія и межъ себя распри и высости, и въ томъ несогласіи и нестроеніи святой церкви преобидѣнія и отъ народа молвы и укоризны». Въ этой челобитной русскихъ іерарховъ г-нъ Z. видитъ «дѣйствительную и разумную заботу ихъ единственно о благѣ церкви по русскому православному понятію о ней, а не по тѣмъ представленіямъ, которыя проникли къ намъ съ учрежденіемъ патріаршества и сердечно воспріяты были не только самими русскими патріархами, особенно Никономъ, но и царями и, повидимому, главнымъ образомъ царями».

Цари Θεодоръ Іоанновичъ, Алексѣй Михайловичъ и Θεодоръ Алексѣевичъ были «люди чувства и воображенія»; «такіе люди плѣняются внѣшностью предмета, а не его содержаніемъ». «Не въ этихъ внѣшностяхъ сосредоточивался», по словамъ г-на Z., «современный имъ разумъ русской земли, и не они управляли силою вещей и ихъ теченіемъ»; «управляли этимъ теченіемъ думцы, т. е. люди мыслящіе, иногда стоящіе къ кормилу управленія не близко. Въ данномъ случаѣ, церковный вопросъ, поднятый еще Іоанномъ III и получившій при Іоаннѣ IV такое опредѣленное теченіе, что ни Годуновъ, ни Никонъ не въ силахъ были направить его разрѣшеніе въ другомъ направленіи, сталъ достояніемъ людей мыслящихъ допетровскаго времени настолько, что, при попыткѣ царя Θεодора Алексѣевича рѣшить его въ направленіи, противномъ разуму народа, митрополиты и архіереи, участвовавшіе въ соборѣ 1681 года, своимъ челобитьемъ разрушили воздвигавшіеся оплоты, преграждавшіе путь силѣ вещей, и, такимъ образомъ, еще до воцаренія Петра сдѣлали то, чему онъ въ Духовномъ регламентѣ только далъ опредѣленную, законную и, вслѣдствіе этого, обязательную форму. Потому, можетъ быть, уничтоженіе у насъ патріаршества и встрѣчено было народомъ сдержанно, спокойно (?), что въ строѣ церковной жизни епархіи не только не произошло существеннаго измѣненія, но власть и честь епископа еще была возвышена, и уничтожены были всѣ поводы къ «разгласію, распрямъ и высости» среди архіерейскаго чина, о чемъ до Духовнаго регламента много помышляли не только думцы свѣтскаго чина, но и думцы духовнаго чина. А потому реформа высшаго церковнаго управленія, совершившаяся при Петрѣ I, справедливо должна быть разсматриваема не какъ личное только его дѣло».

Прежде всего необходимо замѣтить, что заявленія о не-

успѣшности соборныхъ попытокъ ввести у насъ на Руси іерархическія степени въ епископскомъ чинѣ—не совсѣмъ вѣрны. Въ 1686 году, слѣдовательно, вскорѣ послѣ собора 1681 г. и приводимой авторомъ челобитной, подъ властію Московскаго патріарха было уже двѣнадцать митрополитовъ и въ числѣ ихъ митрополитъ Кіевскій, Галицкій и всея Малыя Россіи, до того времени бывшій почти автокефальнымъ, ибо зависимость его отъ константинопольскаго патріарха выражалась въ полученіи благословенія уже по посвященіи. Этотъ іерархическій порядокъ, представлявшій собою только «конечное исполненіе церковное», не только не противорѣчилъ исторіи и разуму Русскаго народа, но, наоборотъ, вполне соответствовалъ его благочестивымъ взглядамъ и желаніямъ. И ужъ, конечно, государи Θεодоръ Іоанновичъ, Михаилъ и Алексѣй и Θεодоръ Алексѣевичъ въ своихъ отношеніяхъ къ Церкви съ гораздо большимъ правомъ могутъ быть почитаемы выразителями разума Русскаго народа, нежели «думцы» свѣтскіе—вродѣ Стрѣшнева, выучившаго свою собаку благословлять, и духовные—вродѣ Θεофана Прокоповича, укорявшаго въ своихъ проповѣдяхъ лицъ, имѣвшихъ мужество осуждать кощунственныя петровскія забавы. По словамъ г-на Z., опредѣленное направленіе церковному вопросу, разрѣшившееся петровскою реформою, дано было еще Иваномъ IV; авторъ умалчиваетъ о томъ, какія собственно дѣла Іоанна Грознаго сближаютъ его въ отношеніи Церкви съ Петромъ; но, конечно, г. Z. разумѣетъ не обращенія Іоанна IV къ соборамъ съ цѣлью устраненія разныхъ церковныхъ неурядицъ, ибо въ этихъ случаяхъ Іоаннъ дѣлалъ то же, что и другіе благочестивые московскіе государи до царя Θεодора Алексѣевича включительно. И такъ, говоря о томъ, что при Іоаннѣ IV церковный вопросъ принялъ уже совершенно опредѣленное и желательное, съ точки зрѣнія автора, теченіе, не разумѣетъ ли онъ расправу Іоанна съ митрополитомъ Филиппомъ? Но было бы уже слишкомъ большою наглостью утверждать, что это святоубійство было совершено «по разуму русскаго народа»!

Впрочемъ, изъ приведенной выше выдержки видно, что, по мнѣнію автора, требованія исторіи и разумъ Русскаго народа въ вопросѣ о строѣ нашей Церкви съ особенною ясностью выразились въ упомянутой челобитной архіереевъ и митрополитовъ собора 1681 года. Этимъ челобитьемъ митрополиты и архіереи «разрушили воздвигавшіеся оплоты, преграждавшіе путь силѣ вешей, и еще до воцаренія Петра слѣдали то, чему онъ въ Духовномъ регламентѣ только далъ опредѣленную, законную и вслѣдствіе того обязательную форму», причемъ съ

изданіем регламента «въ строѣ церковной жизни епархіи не только не произошло измѣненія, но власть и честь епископа была еще возвышена, и уничтожены всѣ поводы къ разгласію, распрямъ и высости».

Можно ли такъ беззащѣнно обращаться съ исторіей, съ общеизвѣстными и несомнѣнными ея свидѣтельствами, и можно ли быть произвольнѣе въ умозаключеніяхъ и выводахъ?

Духовный регламентъ представляется г. Z., какъ актъ, узаконившій и закрѣпившій то, чего желали и о чемъ просили русскіе митрополиты и архіепископы собора 1681 г.! Духовный регламентъ, по его словамъ, возвысилъ власть епископа и уничтожилъ всѣ поводы къ разгласію и распрямъ въ архіерейскомъ чинѣ! Но митрополиты и архіепископы собора 1681 г. заботились о сохраненіи самостоятельности епископовъ, о согласіи въ архіерейскомъ чинѣ и о мирѣ церковномъ. Эти ли цѣли имѣлись въ виду и достигались Духовнымъ регламентомъ? Авторъ именно это и утверждаетъ, но, чтобы показать, насколько ложны эти его утвержденія, обратимся къ Духовному регламенту, сдѣлаемъ изъ него нѣсколько выдержекъ, относящихся собственно до архіерейскаго чина, а потомъ по смотримъ какой миръ и согласіе водворились въ архіерейскомъ чинѣ и въ самомъ духовномъ коллегіумѣ вслѣдъ за его учрежденіемъ.

Во второй части Духовнаго регламента, въ главѣ о дѣлахъ епископовъ, статья 14 говоритъ: «Вѣдалъ бы всякъ епископъ мѣру чести своея и не высоко бы о ней мыслилъ; и дѣло убо великое, но честь никаковая, почитай, въ писаніи знатная опредѣлена... Убо точію внѣшнее дѣло пастырское есть проповѣдати, настояти, запрещати благовременно и безвременно и обряды таинъ святыхъ строити. Дѣло же внутреннее, еже обращати сердца къ покаянію и обновленію житія, есть единого Бога, благодатію своею, чрезъ слово и тайнодѣйствіе пастырей, аки чрезъ орудіе, невидимо дѣйствующаго». Въ главѣ о посѣщеніи епископами городовъ своей епархіи въ ст. 1 предлагается имъ ѣздить по епархіи предпочтительно лѣтомъ, а не зимою, такъ какъ лѣтомъ кормы дешевле; при этомъ выражено, что епископъ можетъ, не вѣзжая въ городъ, — «не далече отъ города на полѣ въ палаткѣ время перестоять, чтобы не трудить священства или гражданъ». Въ статьѣ 4-й той же главы предлагается епископу «тайно у меньшихъ церковниковъ и аще кто иной удобный покажется спрашивать, какъ живутъ пресвитеры и діаконъ...»; въ ст. 8 сказано: «иныя дѣла и поступки, какъ священства, такъ и приходскихъ людей, могутъ быть утаиваемыя передъ епископомъ... и о таковыхъ